К июлю 1961 года, когда были в моде романтика дальних дорог, целина, стремление ехать в дальние края «за мечтами и за запахом тайги», относятся мои первые впечатления от КрАЗа или того, что было тогда прообразом этого «гиганта цветной металлургии», как его называла в газетах пишущая братия. Я сюда попал с Северного Кавказа, по окончании средней школы, накопив стойкое отвращение к тамошней вечно слякотной зиме и непролазной грязи, желая испытать ощущения первооткрывателей и борцов с трудностями, так хорошо и призывно описанные, показанные, напетые в газетах, книжках, фильмах...

И действительно, тут солнце, простор, могучая река, берёзы, снег, мороз — всё так необычно и притягивающе красиво. На месте нынешнего завода — огромный пустырь, на котором там и сям начинают подниматься несколько кирпичных сооружений: это строятся здание заводоуправления, фабрика-кухня, бытовки будущего ЭЛЦ-1 (цеха электролиза № 1), заколачиваются сваи и заливаются фундаменты на сооружениях самого-самого первого корпуса электролиза № 4 и литейки. Основные же силы строителей в то время были сосредоточены (если можно так назвать вялотекущий неспешный строительный процесс) на сооружении объектов промбазы. В них постепенно начали размещаться предприятия стройиндустрии, автобаза. Уже вовсю работал бетонный завод, так как стройке с самого начала были необходимы бетон и раствор.

Главными действующими лицами той эпохи на КрАЗе были, конечно же, строители треста «Красноярскалюминстрой». Они жили в большинстве своём в посёлке Индустриальный и окрестных деревеньках: Песчанке, Кубеково, Худоногово. Жилого массива Зелёная Роща ещё не было, а прообразом «города металлургов» были всего несколько кирпичных домов по улице Быковского да котельная. Автомобильная трасса из города в посёлок Индустриальный проходила достаточно далеко в стороне от нынешней, проходящей через Зелёную Рощу. Первое время переселение

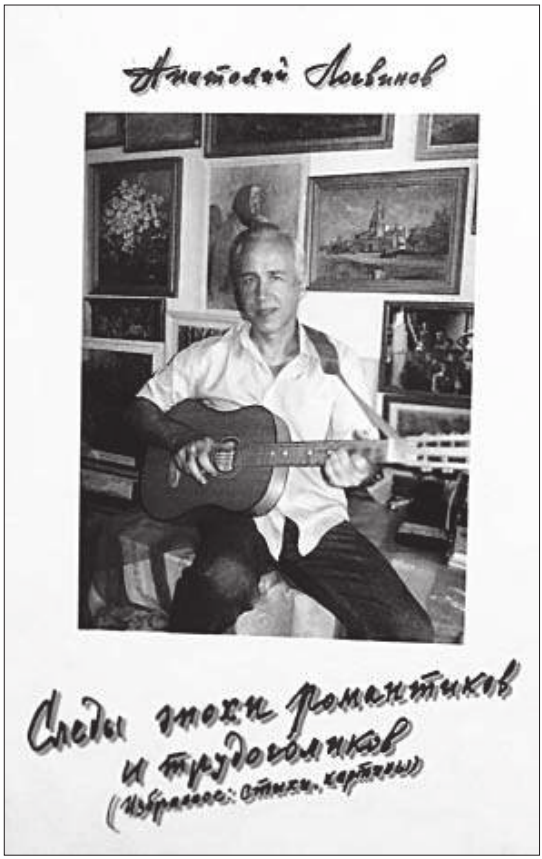
из Индустриального в этот зарождающийся жилой массив воспринималось некоторыми молодыми людьми даже без особой радости. В Индустриальном есть клуб, столовая, магазин. Тут оживлённо, тут весело. Тут можно вечерком зайти в соседнее общежитие к друзьям или к девушкам, побродить с подругой по окрестным зелёным холмам и полям или сходить в кино, погонять футбол на спортплощадке...

К лету 1961 года и позже остатки подразбежавшихся первостроителей из так называемых «вербованных» лиц из средней полосы России были сильно «разбавлены» демобилизованными пограничниками. Первый отряд пограничников по комсомольским путёвкам приехал в 1960 году. И затем появление весной и осенью всё новых и новых групп молодых людей в военных бушлатах — защитного цвета у сухопутных пограничников и чёрных у морских — стало обычным делом. Кто-то из них ехал сюда по романтическому настрою души, кто-то — чтобы чуть раньше демобилизоваться из армии, так как тогда на границе служили три года. (Были в порядке вещей задержки и после трёхлетнего срока службы ещё на несколько месяцев по решению «отцов-командиров», не успевших подготовить замену «старикам», а порой и в силу обыкновенного армейского самодурства того или иного военачальника.)

Бывшие пограничники, ещё не отвыкнув от воинского порядка, внутренней организованности, дисциплины, внесли в несколько бесшабашный быт посёлка Индустриальный, сформированный гражданской молодёжью («вербованными»), нечто новое. Молодёжь посёлка перестала доставлять какие-то хлопоты местной милиции. На работе многие бывшие пограничники с усердием осваивали, учась друг у друга, азы строительного ремесла, некоторые становились бригадирами. А это весьма важные и уважаемые фигуры среди остальной строительной братии. В то время на стройке были на слуху фамилии бригадиров Кузнецова, Шкутана, Кровякова, Юдина, Попова и некоторых других. Некоторые из них потом, выучившись в филиале Томского инженерно-строительного института, стали крупными организаторами строительного дела. Здесь же, на стройке, начиналась карьера известного политика О. С. Шенина. В те времена это был стройный красивый парень, любимец девушек.

На работу из Индустриального до промбазы обычно добирались в грузовых крытых вагонах, не отапливаемых ни

зимой, ни летом. Небольшой состав в течение полутора часов эти три-четыре километра неспешно тащил маневровый тепловозик. Его называли «матаней», сочиняли про него анекдоты, всячески острили по поводу его «выдающейся скорости передвижения», запасались на долгий путь игральными картами, чтобы коротать время, рассказывали всякие байки, подшучивали и подтрунивали друг над другом. Ведь всегда найдётся какой-нибудь остряк, который с самым серьёзным и глубокомысленным видом начнёт рассуждать: а давайте подумаем, какого «калибра» надобна невеста такому высоченному парню, как Роман Икрамов? Тут начинают поступать и обсуждаться различные версии решения этой проблемы...



Или, скажем, по поводу жгуче-чёрной «масти» другого персонажа, которого девушки в сумерках пугаются из-за синего от частого бритья лица — растительность настолько быстро и густо пробивается. (Кстати, фамилия этого парня была Черноусов.) Ставится вопрос: как жить этому парню дальше, что он должен предпринять, чтобы изменить свой облик и не пугать девушек? Может, заболеть желтухой? Пугающий синий цвет лица будет изменён на жёлтый. Но тогда он будет похож на китайца. Нет, этот вариант не годится. Паяльная лампа и ошкуривание тоже не годятся — больно...

Часто инициатором шуточек и подковырок был неказистый пограничник со странным именем Досифей. Девчата звали его Доськой, а под горячую руку, когда он сильно их «доставал», это имя могло трансформироваться в «чёртову доску», «бревно» или «чурбан». Но он никогда не обижался, щурил свои хитроватые светлые глазки и улыбался кривоватым ртом, сочиняя новую шуточную фразу.

В зимнее утро, когда и утра, по сути дела, ещё нет — так темно и зябко, к «матане» тянутся группки строителей, рассаживаются по нащупанным в темноте стылым скамейкам, укреплённым вдоль стен вагона, начинают доставать курево и смолить свои папиросы, сигаретки и даже «козьи ножки» с махоркой. Начинают, как обычно, травить анекдоты, попыхивая своими «цигарками». К концу пути уже основательно рассвело. Все продрогли и после небольшого отогревания у костерка или в бригадном вагончике разбирают свой нехитрый инструмент: топоры, ломы, лопаты,— идут «греться» к своему рабочему месту.

Спустя какое-то время, когда, как поговаривали, строительное начальство ждало приезда в Красноярск Никиты Сергеевича Хрущёва, грузовые вагоны заменили старыми пассажирскими вагонами, но в них было так же холодно и неуютно, как и в грузовых.

Поздней осенью 1961 года в бригаде плотников-бетонщиков, где я работал с лета и освоил кое-какие азы строительного ремесла, появилось пополнение из очередной партии демобилизованных пограничников. Это были впоследствии ставшие известными на КрАЗе металлургами Н. Лупишко, П. Воробьёв, Ю. Волков, Н. Машин, Н. Жмут, А. Рябов и некоторые другие. Бригадир П. Понятовский (тоже впоследствии известный на КрАЗе металлург), демобилизовавшийся годом раньше, несмотря на молодость, уже тогда был неторопливым, рассудительным, внимательным. И вообще, как человек семейный и степенный, он казался нам умудрённым и чуть ли не пожилым человеком. Он поручил мне первое время пошефствовать над новичками — показать, как строить опалубку для заливки бетона, как вязать самодельным крючком из куска толстой проволоки арматуру для последующей заливки бетоном, как при устройстве бетонного пола принимать и разравнивать ребром длинной деревянной доски бетон, чтобы пол был ровным и лежал на отмеченном «горизонте», как катать по узкой доске тачку с бетоном, балансируя груз на единственном колесе этой тачки, и тому подобное.

Нехитрые строительные операции, конечно же, очень быстро были освоены, вчерашние пограничники скоро стали заправскими строителями.

Быт будущих металлургов, а пока строителей, был весьма скромным: зарплата в лучшем случае достигала ста — ста

тридцати рублей в месяц, в комнатах общежитий жили по четыре-пять человек. Бывшие «вояки» практически все приезжали без копейки в кармане. Все были экипированы в дембельские бушлаты (тёплые телогрейки защитного цвета у сухопутных пограничников и чёрного — у морских), гимнастёрки, надраенные яловые сапоги, зелёные фуражки. Долгое время бегали на танцы и на всякие культурные мероприятия (к девушкам в общежития, в кино, в город в музкомедию) именно в этом обмундировании. Конечно же, моряки из-за своей эффектной формы одежды первое время пользовались у девушек повышенным вниманием. Но потом эти парни, более бесшабашные, озорные и охочие до всяких шалостей и приключений, да ещё плотно дружившие с «зелёным змием», перестали пользоваться у девушек преимущественным вниманием. Кстати, моряки спустя какое-то время поразъехались по своим родным местам, и из них остались на стройке единицы.

Скромный кинотеатр «Пограничник» да ещё нечто вроде маленького клубика в одном из общежитских щитовых домов — практически единственные места в посёлке, где «культурно отдыхали». Молодые парни на местных танцевальных вечерах отплясывали модный тогда танец чарльстон, выкручивая кренделя начищенными до блеска сапогами с проглаженными утюгом голенищами (в виде мехов гармошки). На голове у каждого — непременная зелёная фуражка. В дни аванса и получки покупали нехитрые подарки, а то бутылку с закуской, и шли к девушкам в общежития. До очередного аванса или получки вечно денег не хватало.

Некоторые парни объединялись в своеобразные «коммуны»: жильцы комнаты сбрасывались небольшими деньжонками, пока они ещё не все были потрачены, поручали самому серьёзному быть кашеваром для остальных жильцов комнаты. А некоторых особенно расточительных зачастую спасало то обстоятельство, что в столовых хлеб был бесплатным. Так что при любом раскладе с голоду не помрёшь. Естественно, в ходу была взаимовыручка, продолжалась армейская дружба. Не давала унывать молодость, привычка довольствоваться малым (все были не избалованными достатком детьми военной поры, жившими смутными надеждами на лучшее будущее). Сейчас, может, это звучит и неубедительно, но тогда фраза Н. С. Хрущёва о том, что «нынешнее поколение людей будет жить при коммунизме», многими

воспринималась достаточно серьёзно, хотя и с долей скептицизма: о том, что он наступит, особых сомнений не было. Но ведь до 1980 года, когда наступит коммунизм, ещё так далеко!

Естественно, там, где много молодёжи, часто играют свадьбы. А поскольку денег зарабатывали мало, то порой единственным выходом было обратиться за помощью к своей бригаде. Тогда всеми участниками будущего торжества на стройке отрабатывался лишний рабочий день, закрывался наряд, и выплачивалась некая сумма, которой, в общем-то, хватало на скромное празднество бракосочетания и проведение шумного застолья, с непременными песнями под гармошку и лихими плясками. После чего зачастую молодые расходились опять по своим общежитиям, так как с отдельным жильём для молодых семей была напряжёнка. Коммуналка на улице Быковского в будущем городе металлургов — Зелёной Роще — или комната в одном из щитовых домов в Индустриальном в такой ситуации были большим счастьем

В 1962 году работы на заводской строительной площадке были заметно активизированы. Часть строительных бригад с объектов промбазы была переброшена на основную площадку, где активно развивалось 49-е строительное управление треста «КАС» и возникло множество субподрядчиков, выполнявших специализированные работы на монтаже бетона, металлоконструкций и всего прочего. Запомнилась неприятная для строительного начальства ситуация с переделками фундаментов (железобетонных «стаканов»), предназначенных для установки опор под будущие электролизеры. Дело в том, что геодезические работы по разметке территории внутри корпуса № 4 были выполнены с ошибкой — фундаменты были смещены от оси на значительную величину. Причём их успели почти все изготовить (арматура, бетон). Пришлось этот брак устранять: долбить бетон отбойными молотками, выстраивать опалубку, вставлять арматуру, заливать бетон — всё делать так, как предписывал проект.

Для устройства «мягкой кровли» на крыше электролизного корпуса (асфальт, рубероид) пригласили с комбайнового завода в качестве инструкторов-умельцев нескольких опытных рабочих. Они показали нашей бригаде (бригада И. Юдина), как правильно выполнять все операции, и эта бригада потом специализировалась достаточно долго на кровельных работах на многих последующих корпусах.

Вообще, надо заметить, что профессионализм строителей со временем заметно вырос. Даже сегодня можно отличить качество кирпичной кладки самых первых зданий от построенных впоследствии. Кривые «силоса» растворобетонного завода на промбазе — продукт первоначальных строительных экспериментов в изготовлении круглой деревянной опалубки. Силоса же для глинозёма на заводской площадке — прямые и стройные. Поначалу была низка квалификация, было мало строительных механизмов. Порой вручную долбили траншеи под фундаменты.

На строительстве корпуса электролиза строительные инженеры накапливали опыт технологии строительно-монтажных работ. Этот поиск позволил впоследствии поставить строительство корпусов электролиза как бы «на поток». Так, при строительстве корпуса № 4 всё делалось поэлементно: сначала делался весь нулевой цикл, затем ставились все несущие конструкции, стены, крыша, и лишь потом занимались «начинкой» внутренностей корпуса (металло-, энергооборудованием). При «поточном» методе одновременно, в согласованном режиме и последовательности, работало сразу множество специализированных организаций. Корпус вырастал со всеми своими «внутренностями» часть за частью, как бы «выползая», как гигантская колбаса, из какой-то грандиозных размеров мясорубки.

Насколько я помню, к 1962 году относится первое появление среди строителей главного инженера строящегося завода В. Стриго и начальника отдела кадров А. Котова, с приглашением записываться на обучение специальностям анодчика и электролизника. В зале для заседаний стройуправления собравшимся молодым рабочим представители строящегося завода долго рассказывали, как здорово будет работать на заводе. Пригласили записываться на курсы электролизников и анодчиков. Пообещали организовать в период учёбы и стажировку будущих металлургов на других алюминиевых заводах страны. Никто, конечно, не понял, что такое профессия электролизника или анодчика, но многим захотелось попробовать стать металлургом. Условия выдвинули жёсткие: надо иметь среднее образование, хорошую производственную характеристику, отслужить в армии.

Все расходились оживлённые и долго обсуждали, как всё будет интересно и здорово на будущей работе. Среди нас никто тогда ещё не мог знать, что тишайший, скромнейший,

стеснительный А. Рябов станет знатным бригадиром электролизников — почётным, заслуженным, орденоносным. Никто не мог ведать, что бригадир строителей М. Ачканов станет металлургом и видным профсоюзным лидером на заводе. Никто не мог бы и предположить, что крепыш, душа компании и местный спортсмен-футболист — плотник-бетонщик В. Крюковский, успевший поработать и на строительстве Коммунального моста (работал в кессонах под водой на возведении опор моста),— станет доктором технических наук, видным специалистом по алюминию и опорой института ВАМИ. Симпатичный парень О. Шенин не станет металлургом. Но он потом сделает блистательную карьеру, спустя много лет став первым партийным лицом в крае, затем заместителем М. Горбачёва, а потом, после известных событий, и «сидельцем» в «Матросской тишине». (Вот уж поистине верно: от тюрьмы и от сумы не зарекайся.) А длинный, спокойный Рашид Икрамов, частый объект подтрунивании местных остряков, превратится когда-то в строгого и въедливого, жадного до работы начальника одного из цехов электролиза...

Было самое начало шестидесятых годов. Первые полёты в космос Ю. Гагарина и Г. Титова, первые песни Б. Окуджавы (никто ещё не слышал ни про Владимира Высоцкого, ни про Муслима Магомаева — их слава, известность ещё впереди). Из радиорепродукторов звучат романтические песни про целину и сибирские новостройки А. Пахмутовой, на экранах кинотеатров царят бодрые герои в исполнении Н. Рыбникова и Н. Румянцевой... Можно горланить «Ой мороз, мороз, не морозь меня» и песню про Ангару, распивая крепчайший портвейн из больших тёмно-зелёных бутылок (называемых в просторечии «противотанковыми») в маленькой кафешке в деревеньке Шумиха, после прогулки с группой экскурсантов — бывших пограничников по тем местам, где через несколько лет будет плескаться Красноярское море, а пока только ещё начинает строиться Красноярская ГЭС. Можно катать футбольный мяч по пыльному полю в Индустриальном, а весной на улицах посёлка сажать первые тополя, там же ходить на первомайскую демонстрацию, бегать смотреть, как трещит лёд на вскрывающемся Енисее... Всё это было предысторией Красноярского алюминиевого и реальной жизнью связанных с ним судеб множества людей.